

Да и ладно, что не стал сдавать экзамены. Чего доброго, в погоне за званием цзюйжэня спустил бы он последние крохи, пустил прахом всё нажитое — убытков не оберёшься, а толку чуть.

Расспросив о житье-бытье — хватает ли хлеба в закромах, не нужно ли в чём подсобить, — Дин Тянь выказал себя заботливым племянником. Дядюшка Ху Вэй так и расцвёл. Он принял гостей со всем радушием и принялся толковать Тянь-эру и Дин Мо книжную премудрость: цитировал мудрецов да сыпал заумными виршами. Юноши слушали, мало что понимая из этих высокоучёных речей, но за столом царил такое душевное тепло, что большего и не требовалось. Как-никак, из всей родни покойной матушки остался у Дин Тяня один только дядя.

Отобедав, они оставили гостинцы, чинно распрощались и тронулись в обратный путь. Дорога до Города Ньюцзяо предстояла неблизкая: даже на доброй повозке пришлось трястись без малого четыре часа.

Вернувшись домой, Дин Тянь первым же делом затопил печь и жарко натопил воды. С кладбища ведь воротился — нужно и самому омыться, и всю одежду хорошенько перестирать, чтобы не осталось на ней духа тлена.

Время катилось своим чередом. Стоило апрелю перешагнуть порог, как повеяло настоящим весенним теплом. Белым кружевом зацвёл абрикос, налились соками и вот-вот готовы были лопнуть почки дикой сливы, а на виноградных лозах проклюнулись первые нежные побеги, потянувшиеся вверх по подпоркам.

Пришла пора весенней пахоты. В эти дни не то что у крестьян — у самого уездного судьи голова шла кругом. Его превосходительству предстояли великие хлопоты: мало того что нужно было подготовить все дела к сдаче преемнику, так ещё и сев на полях требовал неусыпного присмотра. Судья Ма верой и правдой отслужил в здешних краях целых десять лет, и теперь, когда его наконец-то ожидало заслуженное повышение, он желал передать уезд в образцовом порядке. Весна — всему году голова, и оттого, как пройдёт пахота, зависело будущее благополучие уезда.

Выкроив три дня отдыха, Дин Тянь воротился в родную деревню, чтобы подсобить родне с пахотой. Дома его ждали новости: оказывается, Второй и Третий дяди отдали двух семейных волов и тяжёлые плуги во временное пользование Дин Каню.

К счастью, у самих дядёв скотины хватало, иначе Тянь-эр непременно бы воспротивился. Одно дело — дать плуг соседу, когда свои поля уже засеяны, и совсем другое — обделять самых близких. Дин Кань, хоть и родственник, но до любимых дядёв ему было далеко.

Вторая тётушка, хлопотавшая у печи, беззлобно ворчала:

— Дались тебе эти поля! Вернулся-то всего на пару дней, много ли от тебя помощи? Слава богу, у нас в обеих семьях рабочих рук хватает.

— Ну, хотя бы хворосту в печь подброшу — всё легче вам будет, — улыбнулся Тянь-эр, присаживаясь у загнетки.

Пока тётушка хлопотала у плиты, он послушно следил за огнём.

Весенняя страда — дело тяжёлое, тут силушка нужна. А откуда ей взяться, коли щи пустые? Потому в эти дни на столах крестьян всегда появлялась жирная, сытная пища. Даже самые прижимистые хозяева не скупились на сало да мясо. Деревенский люд позволял себе такую роскошь лишь трижды в год: на весеннюю пахоту, в разгар осенней жатвы и на Праздник весны.

Пока Вторая тётушка возилась с обедом, его двоюродная сестрица нянчила в горнице маленького брата. К Третьему дяде Дин Тянь решил заглянуть завтра — не ради тяжёлой работы, а просто выказать уважение, провести да справиться о здоровье.

Время и впрямь стояло горячее. Сам уездный судья без усталости разъезжал по деревням, проверяя, как идут дела. Особливо его превосходительство радел о бедноте: выискивал, у кого к севу не осталось зерна на семена, да распорядился выдать бедолагам ссуду из казенных закромов.

Но у Дин Тяня была и другая важная задумка. Подкинув в топку полено, он заговорил:

— Тётушка, а ведь кабанчики наши совсем заплыли жиром. Не пора ли одного заколоть? Сейчас, в самую пахоту, свежее мясо на столе ой как кстати придётся — мужикам силы нужны.

Он ведь и вправду ехал в деревню с твёрдым намерением заколоть скотину — оба борова за три года вымахали огромными, круглыми, словно бочонки.

— Да как же так? Ты ведь их почитай три года выхаживал... — тётушка было засомневалась, но, прикинув в уме, согласно кивнула: — А впрочем, твоя правда. Зажирели они знатно, пора и честь знать.

— Вот и ладно. Завтра же поутру схожу к Мяснику Дину, — решил Тянь-эр.

Этого человека в деревне все знали под его промысловым прозвищем. Сам он был из местных, держал лавку в Городе Ньюцзяо, да только весной редко за неё принимался — недосуг. Пока земля ещё только сохнет под плугом и семена не легли в борозды, времени у крестьян выгадать можно самую малость. Дин Тянь рассудил мудро: заколет кабана — и дядьям забот убавится, не надо корма переводить, и в обоих домах казан не будет пустовать. А из остатков мяса он задумал устроить для всех жителей деревни семьи Дин знатный пир — сварить наваристую похлёбку, нажарить шкварок, чтобы и старый, и малый наелись досыта перед тяжёлыми полевыми работами.

То была его искренняя благодарность односельчанам. Пока Дин Тянь три года держал траур по родителям, соседи не раз протягивали ему руку помощи — кто делом, кто добрым советом. Да и когда позорная помолвка с девицей Чэнь расторглась, вся деревня, отринув кривотолки, горой встала за сироту. Такое добро не забывается.

<http://bllate.org/book/19387/1997436>